

Ли Синиан стоял перед комнатой Ду Вэй и Чэнь Хуэй, звоня в электронный дверной звонок один за другим. На самом деле он был встревожен, но его движения не были торопливыми, он нажимал на звонок сразу после того, как останавливался предыдущий, никогда не колеблясь, его ритм был точным.

Внутри дома Ду Вэй и Чэнь Хуэй веселились.

Чэнь Хуэй обхватила руками затылок Ду Вэй и прижала его голову к своей груди, давая возможность мужчине поднять голову и погладить ее по шее. Они оба вздрогнули, услышав резкий звон электрического звонка.

"Что... что происходит?" Чэнь Хуэй растерянно посмотрела на дверь.

Ду Вэй, продолжая целовать ее шею, неопределенно ответил: "Это не имеет значения". Затем он опустил голову и слегка поцеловал ее грудь.

Кто бы мог подумать, что человек, нажавший на дверной звонок, очень терпелив и, похоже, собирается выпроводить их. Дверной звонок звонил две минуты и не прекращался.

Чэнь Хуэй оттолкнула его.

Хорошее настроение было полностью испорчено. Ду Вэй совсем завял, в расстройстве встал со своей девушки, дернул себя за волосы, встал с кровати, чтобы открыть дверь.

Вскочив и натягивая штаны, он грубым голосом выругался: "Кто это, черт возьми? Будь он проклят за то, что до конца жизни не сможет жениться".

"Хватит ругаться, быстро открой дверь и посмотри, кто там, чтобы можно было их прогнать. Сейчас становится светлее". Чэнь Хуэй накинула простыни и села на кровать, надувшись.

Ду Вэй открыл дверь, тонкий средний палец Ли Синиана все еще был нажат на дверной звонок, два глаза встретились через щель в двери. Выражение лица Ду Вэй было уродливым, он увидел, что это Ли Синиан, в его глазах был защитный взгляд.

"Что ты здесь делаешь?" Ду Вэй посмотрел на Ли Синиана.

Ли Синиан еще не успел заговорить, как в конце коридора раздался траур и шум. Густой дым в коридоре задушил Ду Вэй. Он на мгновение оцепенел, дважды кашлянул, прикрывая рот и нос руками, и снова и снова спрашивал: "Что происходит? Что это такое?"

Глаза Ли Синиана были спокойны, но его лицо было суровым: "Одевайся и выходи, вилла горит".

"Это комната Ниу Синьян!" Ду Вэй открыл дверь, повернулся и оделся, бросив юбку на пол к своей девушке, он спросил: "Где остальные? Где Ян Сон? Где Дин Цзыхуэй? Все ли они проснулись?"

Ли Синиан стоял далеко в тени за дверью, чтобы избежать подозрений, не заглядывая в комнату, только крутил головой, чтобы посмотреть на суматоху в конце коридора, как джентльмен: "Ян Сон пошла помочь, в комнате Дин Цзыхуэй никого нет, я не знаю, куда она пошла".

Пока несколько человек разговаривали, они вдруг услышали громкий, скорбный крик из конца коридора.

-Это был голос Ниу Синьян, она кричала: "Я не верю в это".

Сердце Ли Синиана сжалось, он быстро прошел и через пустую дверную раму увидел ситуацию внутри.

Снаружи небо светлело, и Ли Синиан разглядел фигуру Фан Дайчуаня. Он стоял на краю кровати лицом к двери. Кровь капала с его плеч, правая рука была обожжена и распухла от слоя волдырей.

Фактически, из всех, кто находился в комнате, Фан Дайчуань был в лучшем состоянии.

Само собой разумеется, состояние ребенка было тяжелым, Ян Сон, стоящая рядом, была бледна и едва стояла, держась за стену, а Ниу Синьян была на грани эмоционального срыва.

В этот момент Фан Дайчуань молча стоял рядом, чувствуя, что даже если он что-то скажет или сделает, это ничего не изменит, к тому же ненормальная семья заставляет его чувствовать себя неловко.

На острове не было антибиотиков. Когда у Ли Синиана поднялась температура, он чуть ли не рыскал по вилле. Ребенок сгорел так, что вертолет прилетал на остров через два дня. Даже если он сейчас еще жив, то, скорее всего, не выживет.

Ниу Синьян покачала головой и толкнула ребенка на руках на землю. Она уставилась на него и повторила низким голосом: "Я не верю в это".

Ребенок ударился головой о землю и тихо заплакал.

Глаза Ниу Синьян были очень спокойны, когда она говорила, и каждое слово было произнесено твердо и четко. Тем не менее, ее челюсть была сжата, а тело напряжено.

"Скажи Нань Наню, чтобы он вышел". Ниу Синьян подавилась дымом и завывала всю ночь, ее голос давно надломился. Сейчас она говорила глубоким, хриплым голосом, уже не таким чистым и красивым, как несколько дней назад, на дне ее левого глаза висела слеза, которая медленно падала вниз.

Слезы Лю Сицюаня капали по его плечам, он лежал голый и обнаженный на все еще дымящемся полу, он трусил в страхе, но слабо покачивал головой: "Нань Нань боится тебя, он не осмеливается выйти. Он защищал меня столько лет, теперь моя очередь защищать его".

"Нань Нань - брат Нань. Ты не понимаешь. Он твой отец. Он не умер". Голос Ниу Синьян был очень легким, и она посмотрела вниз на ребенка на земле. Она улыбнулась, но мышцы на ее подбородке слегка дрожали.

Лю Сицюань заплакал и улыбнулся. Он покачал головой. "Мама, ты не понимаешь".

"С тех пор как я себя помню, у меня не было отца. Каждый день ты рассказываешь мне, что сказал и сделал мой отец. Если я не слушаюсь тебя, ты продолжаешь бить меня. Ты бьешь меня днем, а когда просыпаешься ночью, не даешь мне спать. В этот момент появился Нань Нань. Он сказал: "Ты спи, а я буду тебя защищать". Лю Сицюань лежал на земле, его глаза были дезориентированы, как будто он вернулся в то ужасное время - где он был в ужасе день и ночь - в своем детстве: "Когда ты била его, он бил тебя в ответ. Он притворялся призраком, чтобы напугать тебя посреди ночи. Он никогда не видел призраков, он знал только, что отец умер и каким он был при жизни, поэтому он притворился отцом, чтобы напугать тебя. Кто знает... С тех пор ты больше никогда не била нас. С тех пор ты радуешься каждому дню и готовишь для нас. Нана Нана не говорит мне, на самом деле я знаю, что он очень напуган. Он боится, что после разоблачения ты больше никогда не будешь такой. Он становится все более и более замкнутым. Ведя себя странно, чтобы скрыть свой страх, он пытался защитить меня".

Лю Сицюань лежал на спине, его глаза были широко открыты. Казалось, что на его неузнаваемом маленьком лице осталась только пара пустых глаз.

Ли Синиан вздохнул в своем сердце.

Здесь нет никакого возрождения, есть только ребенок, который находился в постоянном эмоциональном стрессе и расщепил более сильную, более злую личность, чтобы защитить себя. Эта личность маскируется под мертвого отца, возможно, это восхищение ребенка отцом, которого он никогда не видел. В конце концов, титул отца в человеческой психологии представляет собой защиту и власть.

Тело Ниу Синьян сильно задрожало, и она тяжело рухнула рядом с кроватью.

Небо на улице становилось все светлее и светлее. Хотя было по-прежнему пасмурно, сквозь слои темных облаков пробивался тонкий белый ореол, освещая берег и песчаные пляжи.

"Мама, обними меня, хорошо..." Глаза Лю Сицюаня были красными и опухшими, он с трудом поднимал взгляд на мать: "Мы оба послушные и воспитанные, ты говорила нам, что делать, мы тебя слушали, теперь обними нас".

В доме все еще висели клубы дыма. Морской бриз дул в дом через обгоревшие оконные стекла, и в доме стоял гнилостный запах серы. Развалившаяся дверь была обращена к окну, и гнилостный запах проникал во все помещение, заполняя коридоры и виллы.

Ли Синиан стоял у двери и видел, как Ниу Синьян протянула руку и снова обняла сына, как занавески, которые почти сгорели, поднялись на ветру. Пепел с занавесок кровати полетел в сторону двери.

Вся картина запечатлелась в памяти Ли Синиана, словно картина маслом, на которой мать утешает убитого младенца, в ней есть жестокая красота.

<http://bllate.org/book/16082/1438679>